

Устинов Александр Николаевич

**К истории эпидемий древнего
мира**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич У.**
К истории эпидемий древнего мира / Устинов Александр Николаевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 151 с.

ISBN 978-5-519-78431-3

ISBN 978-5-519-78431-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Les annales de l'histoire ne sont guère
que le récit de ses émigrations, de ses
immigrations, de ses acclimatements.

Bertillon.

Отсутствіе твердо установившихся взглядовъ на причины возникновения поварьныхъ болѣзней въ видѣ пандемій дало намъ поводъ обратиться къ изученію исторіи поварьныхъ болѣзней, въ надеждѣ на то, что именно въ исторіи, быть можетъ, скорѣе удастся найти руководящую нить, на чемъ въ особенности настаивалъ столь компетентный изслѣдователь, какъ Нескеръ.

Однако, первыя же наши попытки разобратъ въ обширномъ матеріалѣ натолкнули насъ на значительное разнообразіе точекъ зрѣнія различныхъ авторовъ и привели насъ къ заключенію, что сколько нибудь вѣрный взглядъ на историческія событія мы можемъ получить только уяснивши себѣ главный отправной пунктъ нашихъ изслѣдованій.

Къ счастью, современное состояніе ученія о заразныхъ болѣзняхъ, благодаря бактеріологіи, настолько подвинулось впередъ, что даетъ возможность, съ одной стороны, разобратъ въ многочисленныхъ противорѣчіяхъ эпидеміологовъ, а съ другой—составить болѣе или менѣе приблизительно вѣрное представленіе о главнѣйшихъ факторахъ, способствующихъ появленію эпидемій, охватывавшихъ нерѣдко цѣлыя страны.

При нашихъ изслѣдованіяхъ оказалось, что [связь между войнами и пандеміями, отмѣченная большинствомъ современниковъ и историковъ,—не случайная; что эти два историческія явленія тѣсно и роковымъ образомъ связаны между собой, и этимъ объясняется появленіе пандемій въ такъ называемыя переходныя историческія эпохи.

Въ нашихъ попыткахъ ближе уяснить себѣ сущность этой связи, мы пришли къ заключенію, что связь эта наиболѣе обстоятельно анализирована Н. И. Пироговымъ; взгляды и выводы покойнаго пачали слагаться еще во время его профессорской дѣятельности въ стѣнахъ нынѣшняго Юрьевскаго Университета и окончательно установились въ теченіе Севастопольской кампаніи и слѣдовавшихъ за ней пяти послѣднихъ войнъ, при томъ выводы эти находятся въ полномъ согласіи съ результатами, добытыми бактериологіей. Эти взгляды Пирогова и положены нами въ основу нашего опыта.

Въ 1864 году, въ своихъ „Grundzüge der Kriegschirurgie“, изданныхъ въ Дрезденѣ *), Пироговъ высказалъ главную мысль, неустанно проводимую имъ въ теченіе всей послѣдующей дѣятельности, — что эпидеміи вспыхиваютъ съ неудержимой силой, какъ только забываютъ, что главнѣйшей предупредительной мѣрой служить — изолированіе и разсѣяніе больныхъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже 30 лѣтъ, наши знанія природы заразныхъ болѣзней, благодаря бактериологіи, — достигли, въ столь короткій, относительно, промежутокъ, такой полноты и отчетливости, какая далеко превзошла самыя смѣлыя мечты и ожиданія... Теперь, въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, истекаетъ уже 1894 годъ. Не слишкомъ ли мы запоздали, даже въ историческомъ обзорѣ, повторяя взгляды и положенія Пирогова, сдѣлавшіеся общимъ мѣстомъ? Пусть отвѣтомъ на это замѣчаніе послужатъ 2 факта. Въ 1887 году, на второмъ *Пироговскомъ съѣздѣ* врачей въ Москвѣ, д-ръ Бертенсонъ дѣлалъ въ секціи гігіены докладъ: „Госпитальная гігіена въ связи съ вопросомъ о профилактикѣ инфекціонныхъ заболѣваній“, въ которомъ докладчикъ напомнилъ секціи основныя требованія Пирогова и привелъ литературу. Сущность своего сообщенія авторъ изложилъ въ девяти положеніяхъ, изъ которыхъ шестое положеніе таково:

6. Признать болѣзни: дифтеритъ у взрослыхъ, скарлатина, натуральную оспу, рожу, тифъ сыпной и возвратный, туберкулезъ и септическія хирургическія заболѣванія, *за заболѣванія, требующія, подѣ страхомъ законной ответственности, индивидуальной изоляціи больныхъ.*

Это шестое положеніе, очевидно, есть не что иное, какъ основной выводъ Пирогова изъ всей его многолѣтней дѣятельности. И, тѣмъ не менѣе, въ Трудахъ Съѣзда мы читаемъ (Т. I, Москва, 1887 г.):

*) Русское изданіе вышло въ слѣдующемъ, 1865 г.

„Сообщеніе І. В. Бертенсона вызвало возраженіе лишь со стороны П. С. Евсѣенки, который замѣтилъ, что 6-ое положеніе референта не можетъ быть принято, такъ какъ земскія больницы не удовлетворяютъ требованію индивидуальной изоляціи и врачамъ пришлось бы, подѣ страхомъ законной отвѣтственности, отказывать въ приѣмѣ заразнымъ больнымъ“. О необходимости же стремиться къ тому, чтобы поставить больницы въ такія условія, чтобы этотъ „страхъ законной отвѣтственности“ падалъ самъ собою,—къ сожалѣнію, ни слова. А каково значеніе этого злополучнаго шестаго пункта, который „не можетъ быть принятъ“—т. е. другими словами, основнаго требованія Пирогова, можно судить по слѣдующимъ заключительнымъ словамъ отчета Е. Roux: „*Tриста случаевъ дифтеріи, лѣченныхъ противодифтеритною сывороткою*,—*E. Roux, L. Martin и A. Chaillou, 1894 г.*“ *).

„Читатель этой работы, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ большимъ числомъ осложненій, замѣченныхъ у нашихъ дифтеритныхъ дѣтей **).

Въ ней такъ много говорится о кори, скарлатинѣ, бронхопневмоніи, что онъ имѣетъ полное основаніе думать, что мы дѣйствовали не въ специальномъ отдѣленіи для дифтеритныхъ больныхъ, но въ общихъ палатахъ для всѣхъ заразныхъ болѣзней. Къ несчастію, совершенно справедливо, что нашъ дифтеритный павильонъ отчасти представляетъ мѣсто, гдѣ встрѣчаются другъ съ другомъ почти всѣ заболѣванія дѣтей, а это, *всякій признаетъ*, нельзя считать благопріятнымъ условіемъ для лѣченія. Несмотря на это, полученные нами результаты столь не похожи на тѣ, которые получались раньше, что лучший способъ сдѣлать окончательное заключеніе—это привести ихъ еще разъ.

300 дѣтей, страдавшихъ несомнѣннымъ дифтеритомъ и лѣченныхъ сывороткою, дали смертность въ 26%, вмѣсто обычныхъ 50%.

Можно ли добиться еще лучшаго? Мы убѣждены, что это возможно; но такое улучшеніе будетъ зависеть не отъ какого-нибудь лѣкарства, а явится послѣдствіемъ улучшенія въ устрой-

*) Trois cents cas de diphtérie traités par serum antidiphtérique, Annales de l'Institut Pasteur, 1894, № 9 Septembre.

**) 33 случая кори, 13—скарлатины, 6—туберкулеза, 3—коклюша, 3—варичеллы, 39—бронхопневмоній; 33—дифтерика, заболѣвшіе корью, дали 6 смертныхъ исходовъ; у 15 изъ нихъ, которымъ была сдѣлана трахеотомія, у 4 была корь одновременно съ дифтеріей (2 умерло), а у 11 она появилась послѣ удаленія канюли (1 смерть).

ствъ отдѣленій въ больницахъ, хотя мы очень опасаемся, что для этого потребуется еще больше времени, чѣмъ сколько было нужно для открытія лѣченія сывороткою.

Я не исполню своего долга, если не укажу на очень дурную организацію отдѣленій для дифтеритныхъ больныхъ въ парижскихъ больницахъ. Благодаря достойной сожалѣнія системѣ передвиженія, въ дифтеритномъ павильонѣ врачъ мѣняется каждые три мѣсяца, а старшіе врачи также поочередно получаютъ его въ свое завѣдываніе. Для того, чтобы больничное отдѣленіе велось хорошо, нужно, чтобы дифтеритное отдѣленіе оставалось въ рукахъ постоянного врача, обязаннаго быть специалистомъ по этой болѣзни, а въ его распоряженіи—постоянные помощники и персоналъ, которые сдѣлаются тогда дѣйствительными сотрудниками въ его дѣлѣ.

Устройство госпиталей также не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигиены. Въ дѣтской больницѣ имѣется палата для мальчиковъ и палата для дѣвочекъ, съ отдѣленіемъ на одномъ изъ ихъ концовъ для изолированія. Вслѣдствіе этого въ одной и той же палатѣ содержатся и коревые, и скарлатинозные больные. Столь опасная для оперированныхъ бронхопневмонія въ ней постоянно царитъ, несмотря на усилія врачей, интерновъ и прочаго персонала. Директоръ больницы (L'Hôpital des Enfants-Malades) съ величайшей охотой даетъ согласіе на дезинфекцію, но стоитъ поступить одному зараженному ребенку, чтобы все снова загрязнить. Особенно страшною становится бронхопневмонія зимою, когда павильонъ наполненъ, а окна остаются запертыми. Безусловно необходимо изолировать не только дифтерію, сопровождаемую корью и скарлатиною, но и жабы и ассоциированные крупы. Сверхъ того, хорошо устроенный дифтеритный павильонъ долженъ допускать соединеніе въ общихъ палатахъ только выздоравливающихъ дѣтей, пробывшихъ въ больницѣ болѣе 15 дней. Всякій поступающій подозрителенъ и долженъ быть изолированъ какъ бы запертый въ ящикъ, который легко дезинфецировать и расположить такъ, чтобы ухаживающій персоналъ не могъ переносить заразы отъ одного къ другому“.

E. Roux.

Не слышится ли въ этомъ горькомъ, но правдивомъ признаніи, изъ-за дѣйствительно „скорбнаго“ больничнаго листа, голосъ покойнаго многоопытнаго Н. И. Пирогова—„Опытъ и старость, къ сожалѣнію, указываютъ, слишкомъ наглядно, человѣку на границы его значенія и власти надъ природой. Я далекъ отъ увлеченія, и

повторяю, что всѣ наши усилія въ борьбѣ съ травматическими заразами только *до известной степени* могутъ быть успѣшны. Но мы обязаны всѣми способами предотвращать переносъ этихъ контагій на другихъ раненыхъ и тѣмъ уничтожать въ корнѣ угрожающее развитіе общихъ піэмій и септицемій, при скопѣ тяжело раненыхъ въ одномъ помѣщеніи. Чтобы не утверждали антиконтагіонисты, но имъ не удастся поколебать заслуженную репутацію карантиновъ. И вотъ эту-то карантинную систему — изолированіе раненыхъ, — я и защищаю, видя въ ней самое вѣрное средство и противъ травматическихъ заразъ.... Какъ бы госпитали ни были устроены, они тогда только достигнутъ своей цѣли, когда администрація позаботится, *во-первыхъ*, разсѣять раненыхъ и больныхъ въ различныхъ и, сколько возможно, болѣе отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, и, *во-вторыхъ*, когда она будетъ имѣть достаточное число *запасныхъ* палатъ или зданій, для періодическаго перемѣщенія больныхъ. Госпитальныя міазмы не такъ летучи, чтобы уничтожаться одною вентиляціей; поэтому и опредѣленіе количества воздуха кубиками хорошо только для предохраненія отъ міазмъ, развивающихся въ спертomъ воздухѣ, *а не отъ прилипчивыхъ зараженій*". (Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1871 г. Спб. 1871).

Если препятствіемъ къ общему признанію мыслей, высказанныхъ Пироговымъ, являлось, быть можетъ, то обстоятельство, что онѣ были высказаны хирургомъ, а не гигиенистомъ или терапевтомъ, то нельзя не поставить въ заслугу бактеріологіи, что она уничтожаетъ эти искусственныя грани, показывая, что хирургическія, терапевтическія и гигиеническія „контагіи и міазмы“, по существу своему, не представляютъ обособленныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, — группъ, не говоря уже о томъ, что необходимая для возможно ранняго принятія неотложныхъ мѣръ точная діагностика во многихъ случаяхъ можетъ быть поставлена только съ помощію бактеріологическаго изслѣдованія; а какія перспективы открываетъ бактеріологія не только въ дѣлѣ предупрежденія, но и въ самой трудной задачѣ медицины, въ лѣченіи различныхъ болѣзней — въ настоящее время это уже не требуетъ особыхъ доказательствъ.

Что дѣйствительно эпидеміи вспыхиваютъ съ неудержимой силой, 7
всякій разъ когда забываютъ или не знаютъ, что лучшая мѣра предупредить ихъ есть изолированіе и разсѣяніе больныхъ; что, 8
другими словами, скученность, среди всѣхъ другихъ условий, благо-

пріятствующихъ появленію повальныхъ болѣзней, занимаетъ первое мѣсто—это болѣе или менѣе ясно можно прослѣдить во всей исторіи эпидемій, обратимся ли мы къ періоду наиболѣе пышнаго расцвѣта философскаго, политическаго и художественнаго творчества греческаго генія, къ мрачной ли эпохѣ чумныхъ эпидемій, или къ ближайшимъ къ намъ эпохамъ. Всюду одно и то же; но эпидеміи и эндеміи и въ наше время продолжаютъ болѣе всего гнѣздиться тамъ, гдѣ населеніе наиболѣе скучено въ ограниченныхъ пространствахъ. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ слѣдующій художественный рассказъ Оукидида объ аѳинской чумѣ, долгое время служившій образцомъ описанія для позднѣйшихъ авторовъ и потому переданный нами возможно ближе къ подлиннику.

Этимъ рассказомъ начинается достовѣрная писанная исторія эпидемій; на попыткахъ критически отнестись къ нему можно прослѣдить послѣдовательное развитіе взглядовъ на сущность заразныхъ болѣзней; кромѣ того, рассказъ этотъ подтверждаетъ и другую главную мысль Пирогова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древнее изреченіе дельфійскаго оракула, которое вспомнили аѳиняне:

"Ἦξει ὁ Δωριακὸς πολέμους καὶ ἄμα ὁ λοιμὸς.

Будетъ Дорійскій походъ, а съ нимъ моровая и язва.

„Въ самомъ началѣ лѣта (въ мартѣ 430 г.) пелопонезцы и двѣ трети союзниковъ (около 40000 чел.) вторглись, какъ и прошлый годъ, въ Аттику, подъ предводительствомъ лакедемонскаго царя Архидама Зевксидамова сына, и, расположившись лагеремъ, стали опустошать страну. И еще немного дней пробыли они въ Атикѣ, какъ среди аѳинянъ впервые стала появляться болѣзнь (*ἡ νόσος*); хотя и говорятъ, что она еще раньше охватила (*ἐγκатаσχῆναι*) многія мѣста, Лемнось и другія страны, но такой моровой язвы (*λοιμὸς*) и такой гибели (*φτορά*) людей нигдѣ не запомнятъ. И врачи не помогали, впервые подавая помощь въ болѣзни, совершенно имъ неизвѣстной, но сами болѣе всѣхъ умирали, ибо чаще и болѣе другихъ имѣли дѣло съ больными,—да и вообще человеческое искусство было бесполезно. Сколько ни молились предъ святынями, сколько ни вопрошали оракуловъ и тому подобное, все было тщетно, наконецъ, оставили и это, осиленные бѣдствіемъ.

Началась болѣзнь, какъ говорятъ, прежде всего съ Эѳіопіи, за Египтомъ, потомъ спустилась въ Египетъ и Ливію, и большую часть персидскаго царства; Аѳины же поразила внезапно, и прежде всего поразила людей въ Пиреѣ, почему и прошелъ отъ нихъ слухъ,

будто пелопонезцы бросили ядъ въ цистерны: водопроводовъ тогда еще не было (проведена вода въ 414 году); позже болѣзнь проникла и въ городъ, и умирать стало уже гораздо больше. Каждый долженъ высказаться объ этой болѣзни, что онъ знаетъ, и врачъ и не врачъ, отъ чего вѣроятнѣе всего произошла она, о причинахъ, какія въ состояніи, по его мнѣнію, имѣть достаточно силы, чтобы вызвать такіа перемѣны; расскажу и я, какъ было дѣло, на основаніи чего и другіе могли бы, въ случаѣ новаго появленія, лучше разобраться и узнать болѣзнь,—расскажу все это потому, что и самъ перенесъ и самъ же видѣлъ, какъ другіе страдали.

Годъ этотъ, какъ всѣ говорили одинаково, изъ всѣхъ былъ наиболѣе скуденъ другими болѣзнями; если кто и заболѣвалъ чѣмъ либо, все переходило въ эту; у всѣхъ же прочихъ безъ всякихъ предвѣстниковъ, но внезапно, среди полного здоровья, появлялся сначала сильный жаръ головы, краснота и воспаленіе глазъ; внутренности, именно глотка и языкъ, тотчасъ наливались кровью, дыханіе дѣлалось неправильнымъ и зловоннымъ; затѣмъ слѣдовало чиханіе и хрипота, а немного спустя недугъ спускался на грудь при сильномъ кашлѣ; когда же доходилъ до желудка, то выворачивалъ его и наступали всякія изверженія желчи, какія только перечислены врачами, и при томъ съ большими мученіями. На большинство нападала пустая икота, причинявшая сильную судорогу, которая у однихъ унималась тотчасъ же, а у другихъ много позже. Снаружи тѣло было наощупь не очень горячо, и не блѣдно, но красновато, синевато, высыпали мелкіе прыщики и нарывчики (*φλυκταίνας μικραί καὶ ἐλκεσιν ἐξηνθητός*). Внутренности же такъ горѣли, что больные не переносили самыхъ легкихъ одѣяній и самыхъ тонкихъ покрывалъ, а лежали нагіе и съ величайшимъ бы удовольствіемъ бросились въ холодную воду. И многіе, не имѣвшіе ухода, дѣйствительно и бросались въ цистерны, побуждаемые неутолимой жаждой,—а жажда была одинакова, много ли, мало ли пили больные. Безпокойство и бессонница продолжались во всю болѣзнь. Но тѣло, сколько бы времени болѣзнь ни держалась на высотѣ, не худѣло, а, сверхъ ожиданія, выносило страданія. Такимъ образомъ, большая часть умирала на девятый и седьмой день отъ внутренняго жара, все еще имѣя кое-какія силы или, если кто выживалъ, болѣзнь спускалась на животъ, и такъ какъ въ немъ дѣлалась большая язва (*καὶ ἐλχόσεώς τε αὐτῇ ἰσχυράς ἐγγυρομένης*), то нападалъ неудержимый поносъ; отъ него позже большинство и умирало вслѣдствіе истощенія. Такъ обходилъ не-

дугъ все тѣло, начиная сверху и вступивъ прежде всего въ голову; а если кто и выходилъ живъ изъ самаго разгара болѣзни, то, какъ слѣдъ, оставалось пораженіе окончностей тѣла, такъ какъ болѣзнь переходила въ половые органы, въ пальцы рукъ и ногъ, и многіе оставались въ живыхъ, лишившись этихъ членовъ, нѣкоторые же и глазъ; а у иныхъ, перенесшихъ одинаково все это, вдругъ пропадала память, и они не узнавали ни самихъ себя, ни близкихъ.

Дѣйствительная картина превышаетъ всякое описаніе и болѣзнь обрушивалась тяжелѣе, чѣмъ то по силамъ человѣческой природѣ; а вотъ еще въ чемъ обнаружилось яснѣе всего, что это нѣчто такое, что выходитъ изъ ряда обычныхъ вещей. Ни птицы, ни четвероногія, нападающія на человѣка, несмотря на множество непогребенныхъ труповъ, не приближались къ нимъ, или поѣвъ, околѣвали; и вотъ доказательство: сдѣлалось очевиднымъ уменьшеніе хищныхъ птицъ, и не было видно ихъ ни гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ, ни около труповъ; на собакахъ же скорѣе всего замѣтенъ былъ такой результатъ, потому что онѣ живутъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Такова была болѣзнь въ общихъ чертахъ, если оставить болѣе мелкія особенности, такъ какъ съ каждымъ случалось что либо такое, что проявлялось у него иначе, чѣмъ у другого. И никакая другая изъ обычныхъ болѣзней не показывалась въ то время, а если и появлялась, то оканчивалась все этой же. Умирали и безъ ухода, и при самомъ тщательномъ попеченіи; не оказалось ни одного лѣкарства, про которое можно сказать, что, давая его, нужно ждать пользы; что помогало одному, другому оно же приносило вредъ. Ни одно тѣло не оказалось огражденнымъ отъ болѣзни, какъ слабое, такъ и сильное; болѣзнь поражала всѣхъ и при всякой обстановкѣ.

Но ужаснѣе всего былъ упадокъ духа, какъ только кто либо чувствовалъ, что онъ заболѣваетъ, — отъ одной уже этой мысли тотчасъ же впадалъ въ совершенное отчаяніе и терялъ самообладаніе; уныніе росло и потому, что даже ухаживая другъ за другомъ, умирали, насыщаясь болѣзнью, какъ овцы *); и наибольшій моръ причинило именно это. Но избѣгали ли изъ страха ходить другъ къ другу—помирали одиноко, безъ ухода, и много домовъ опустѣло, гдѣ

*) Изъ этого выраженія можно замѣтить, что аэиняне знали лишь повальныя болѣзни скота.

некому было присмотрѣть, — ходили ли, также гибли, и болѣе всего тѣ, кто старался сдѣлать что либо изъ челоуѣколюбія: такъ по долгу совѣсти не щадили себя, навѣщая друзей, но подъ конецъ утомились даже оплакивать своихъ покойниковъ, одолаваемые такими большими потерями. Тѣмъ болѣе хлопотали о погребеніи умиравшихъ и заботились о больныхъ тѣ, кто перенесъ болѣзнь, благодаря тому, что, разъ испытавъ ее, были уже въ безопасности, ибо дважды никто не заболѣвалъ, по крайней мѣрѣ, смертельно. И какими счастливыми считали ихъ остальные, да и сами они безконечно радовались и даже предавались тщетной надеждѣ, что никогда уже и не умрутъ ни отъ какой болѣзни!

Отозвалось на аэіиіахъ при этомъ бѣдствіи особенно скопленіе въ городѣ окрестнаго населенія, а еще сильнѣе на самихъ пришедшихъ. По недостатку жилыхъ помѣщеній размѣщались, благодаря лѣтней порѣ, въ душныхъ шатрахъ; и моръ господствовалъ тутъ среди полнѣйшаго безпорядка. Мертвецы и умиравшіе лежали одинъ на другомъ, валялись и по дорогамъ и вокругъ всѣхъ источниковъ, полумертвые, томимые жаждой; храмы, въ которыхъ искали убѣжища, были полны мертвецовъ, умершихъ тутъ же. Такъ какъ бѣдствіе слишкомъ уже одолаивало, то люди, не вѣдая, что творится, проявляли нерадѣніе и къ божескимъ и челоуѣческимъ установленіямъ. Всѣ законы были нарушены, которые соблюдались при погребеніи, каждый хоронилъ какъ могъ, и многимъ по недостатку самаго необходимаго приходилось хоронить кое-какъ, забывая стыдъ: столько у нихъ скоплялось покойниковъ. На чужіе костры, заготовленные другими, клали своихъ покойниковъ и зажигали; другіе, неся своего, бросали его въ первый попавшійся костеръ, лишь бы онъ горѣлъ, и уходили. Да и въ другихъ отношеніяхъ болѣзнь дала толчекъ къ еще большому беззаконію въ городѣ. Легче рѣшался иной на то, что онъ раньше таилъ лишь про себя, воздерживаясь отъ прихотей; при видѣ быстрыхъ переменъ, видя, какъ умирали люди богатые и совсѣмъ неожиданно; видя, какъ ихъ состояніе тотчасъ же переходитъ въ руки другихъ, у кого раньше ничего не было — стали находить позволительными быстрыя наслажденія и особенно чувственные, считая одинаково преходящими какъ жизнь, такъ и богатства. Стремиться къ достиженію цѣли, по общему признанію, благородной никому не было охоты, разъ для него неизвѣстно, да не умретъ ли онъ раньше, чѣмъ достигнетъ такой цѣли. Все, что пріятно въ текущій моментъ, если при томъ все нужное для того подъ руками, то считалось и хорошимъ

и полезнымъ. Ни страхъ боговъ, никакой законъ человѣческій уже не сдерживалъ. Въдѣ все равно, рассуждали люди, чтить боговъ или нѣтъ, когда видишь, что всѣ одинаково гибнуть; а что до преступлений, то никто не надѣялся, что онъ останется въ живыхъ до суда и возмездія, когда надъ нимъ уже *сейчасъ* виситъ гораздо большая кара, а пока она еще не разразилась, казалось такъ естественнымъ вкусить хоть что нибудь отъ жизни...”

Добавимъ къ этому описанію Фукидида, слѣдующее замѣчаніе Littré, всѣми признаннаго знатока греческой медицины. „Сильно ошибаются, когда думаютъ, что зараза эта ограничилась исключительно столицей Аттики и была причинена скученіемъ населенія, которое искало тамъ убѣжища отъ вторженія лакедемонскихъ войскъ. Этотъ бичъ пришелъ съ востока. Фукидидъ говоритъ, что чума, выйдя изъ Эѳіопіи, прошла Египетъ и Персію; письма Гиппократъ хотя и считаются подложными, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ объ опустошеніяхъ, которыя нанесла чума въ остальной Греціи, и историки замѣтили появленіе ея въ войскахъ, которыя въ то время были заняты осадой нѣкоторыхъ городовъ во Фракіи. Если невозможно прослѣдить ее въ Италіи или въ Галліи, то единственно потому, что въ такую отдаленную эпоху, какъ пелопонесская война, на западѣ и всюду, за исключеніемъ Греціи, не было писателей“ *).

Но откуда же эта чума? Вспомнимъ, что Греція только что перенесла эпоху персидскихъ войнъ—нашествіе Ксеркса было какъ бы отвѣтнымъ визитомъ Азіи за троянскую войну, когда греки занимали побережье Азіи; и тогда Аполлонъ металъ свои смергоносныя стрѣлы въ станъ грековъ, среди которыхъ вспыхнула моровая язва. Безчисленныя полчища персовъ, собранныя со всей Азіи и Египта и страдавшія болѣзнями уже при началѣ выступленія, разбитыя бѣжали въ безпорядкѣ обратно; было бы, при этихъ условіяхъ, непостижимо отсутствіе чумы, а не ея появленіе.

Не мало споровъ возбудилъ вопросъ о діагнозѣ аѳинской чумы. Не входя здѣсь въ обсужденіе различныхъ высказанныхъ историками взглядовъ, мы считаемъ необходимымъ привести отзывъ Н. И. Пирогова, что не всегда и возможно поставить точную діагностику; вотъ его слова. „Всего губительнѣе, говорятъ онъ въ „Военно-врачебномъ Дѣлѣ“ въ 1877—1878 году, II т. Спб. 1879 г., стр. 40—дѣйствуетъ во время войны, на арміи и народоселеніе, *хаотическая*

*) Littré, Медицина и медики, пер. 1876 г., стр. 3.